

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР – ДОМИНАНТА В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Виталий Хан,

профессор Института послевузовского образования Академии, советник юстиции, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор

Предвзятость суда, бросающая тень на компетентность прокурора, обусловлена сложившимся в правосознании судей обвинительным уклоном правосудия. Так, диахронический анализ позволяет обозначить временную координату окончательной фиксации в правовой культуре судебного корпуса пассивности в реализации принципа судебной защиты прав и свобод человека. В качестве датированного ориентира может служить знаменитое «дело валютчиков» конца пятидесятых и начала шестидесятых годов прошлого столетия, ставшее классическим примером нарушения судом принципа презумпции невиновности и обратной силы уголовного закона.

В частности, по уголовному делу в отношении Я. Рокотова, В. Файбишенко и Д. Яковлева, судом были вынесены три обвинительных приговора, сменявших один за другим, после их вступления в законную силу, с применением новых норм уголовного закона. Иными словами, Верховным Судом СССР последовательно нарушался запрет на повторное осуждение, являющейся компонентом принципа презумпции невиновности, а также дважды применялась обратная сила уголовного закона, по вступившим в законную силу приговорам до тех пор, пока осужденным не была назначена высшая мера наказания – смертная казнь. В указанный период были и другие решения суда, выходящие за рамки дозволенного принципами верховенства закона и верховенства права.

Сформировавшаяся правовая культура пассивности в сфере защиты права и свобод человека судебной системы плотно закрепилась в практике национального уголовного процесса. Так, пассивная роль суда, характерная для стран англосаксонской системы права, систематически обосновывается наличием принципа состязательности, в то время как принцип сам по себе не формирует состязательную модель национального уголовного процесса. Следует отметить, что глубинный уровень познания состязательной формы уголовного процесса англосаксонского типа свидетельствует об активной роли суда при решении вопроса факта в сокращенном порядке судопроизводства (без суда присяжных). Такая активность суда в процессе самостоятельного решения вопроса факта, обусловлена принципом свободной оценки дока-

зательств по внутреннему убеждению, правовое содержание которого обязывает судью принимать решения лишь при условии полного отсутствия сомнений. Следовательно, подмена активной роли суда в реализации принципа судебной защиты прав и свобод человека в национальной практике уголовного процесса, не имеет никакого отношения к принципу состязательности, а вытекает из исторически сложившейся культуры национальной судебной системы.

Вместе с тем, проблема субъективной стороны правовой действительности заключается в том, что она последовательно отражается и в нормах объективного права. Так, за последние годы наблюдается парадоксальная ситуация в реформировании национального законодательства, когда правозащитные организации и судебная система стали ратовать за упрощенчество судопроизводства, свертывание процесса доказывания и конституционных гарантий граждан, а также чрезмерное, научно необоснованное усиление, ужесточение юридической ответственности. В то же время, органы уголовного преследования (прокуратура и полиция) напротив, вынуждены повсеместно доказывать значимость гуманитарных ценностей, основополагающей Идеи права, гуманизма и справедливости.

Возьмем за пример тщетные попытки судебной системы под эгидой снижения обвинительного уклона правосудия внести в уголовно-процессуальный закон изменения и дополнения, которые фактически перечеркивают все достижения правовой культуры, доставшие-

ся нам дорогой ценой, за исторический период становления и развития суверенитета нашего государства.

С первых дней независимости наша страна шла прямым путем в сторону усиления механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина с последовательным воплощением в жизнь имманентных свойств состязательного процесса. При этом, основная ставка делалась на нормативное (объективное) купирование репрессивных элементов в процессуальной деятельности суда, так как предполагалась, что юридическое сообщество созрело для искоренения обвинительного уклона в практике национального правосудия. В результате, фундаментальным достижением правовой культуры стало внедрение института суда присяжных и передача санкции на арест в исключительную компетенцию судей. И надо признать, что на тот момент Глава государства оказал высокое доверие судебной системе и по прошествии 17-летнего изучения вопроса «судебная защита прав граждан на досудебных стадиях» стала неотъемлемым конституционным атрибутом судебной власти, реализация которого нашло свое последовательное воплощение в организационной диспозиции – создании самостоятельного следственного суда.

Однако, современные идеи реформирования уголовного процесса проложены через призму подавления основной конституционной компетентности суда – осуществление правосудия. Так, одной из неудачных попыток коррекции уголовно-процессуального закона является концепция краткого приговора или постановления, содержащая в себе не просто свертывание процесса доказывания и конституционных гарантий, но и исключение церемонии торжества самого правосудия. Ведь при таких условиях из содержания решения суда исключается описательно-мотивировочная часть, что не только провоцирует спор о соразмерности наказания совершенному деянию в каждом конкретном случае, но и лишает человека права знать, на основании каких именно юридических фактов суд пришел к своему заключению, а, следовательно, быть убежденным в правосудности вынесенного приговора.

Естественно, что такой подход к коррекции уголовно-процессуальных норм не мог не отразиться и на идее бюрократизации механизма защиты прав человека, от которого мы отходили долгие годы, внедряя более эффективное средство – следственного судью. В то время как сегодня со стороны судебной системы не утихают попытки возратить из тоталитарного прошлого изнурительный порядок обжалования действий и решений субъектов расследования, основную идею которого составляет ее классическая бюрократизация процесса, не позволяющая в реальных временных и организационных рамках реализовать данное право.

Следует признать, что подобные идеи противоречат не только самому существованию института следственного суда, созданного для прямого действия конституционных норм, но и проводимой политики Главы государства по формированию Нового, Справедливого Казахстана. Так, основными элементами воплощения в

жизнь идеологемы «Слышащего государства» является формирование трехзвенной модели уголовного процесса, в которой рассмотрение жалоб на действия и решения органов, а также вынесения окончательного вердикта по делу является исключительной компетенцией судебной власти.

Импульсом такого подхода со стороны судебной власти в реформировании уголовно-процессуального закона является качество отправления судами правосудия, которое систематически восполняется за счет наиболее эффективной деятельности – прокурорского надзора. В частности, озабоченность судебной власти по превращению прокурора в «нотариуса» полиции для суда, вызвана не чем иным как элементарным нарушением процессуальных формул, закрепленных в законе и определяющих исключительные основания для применения тех или иных мер процессуального принуждения, следственных действий.

Подобную картину мы наблюдали и на эффективности механизмов судебной защиты прав граждан в сфере экономической, предпринимательской деятельности, что привело к согласованию прокурором ключевых действий и решений органов расследования. Инициаторами создания такого механизма выступали сами предприниматели, представители гражданского общества, граждане, у которых, будучи неискушенными особенностями реформы прокуратуры (2017 года), вызывало негодование отсутствие механизма реализации ряда надзорных функций прокурора.

Таким образом, органы прокуратуры и прокурорский надзор остаются единственным действенным механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина, даже в условиях численного превосходства следственных судей в сравнении с прокурорами, могущих обладать правом санкционирования процессуальных действий и решений, ограничивающих конституционные права граждан.

Например, правом санкционирования негласных следственных действий ранее наделялись Генеральный Прокурор и его заместители, а также прокуроры областей и приравненные к ним прокуроры, каковых не момент действия закона было шестнадцать. В то же время принцип судебной защиты прав и свобод человека способен реализоваться 250 следственными судьями. Такая несложная арифметика ложится в копилку низкой эффективности, пассивности судебной системы в сфере защиты прав и свобод человека, в условиях конструирования механизма осуществления судебной защиты, ограничивающего прямое действие конституционной гарантии о незамедлительном доступе к правосудию.

В этой связи, механизмы действенности прокурорского надзора требуют своего расширения и совершенствования, в части восстановления прав, не только посредством опротестования (ходатайства) незаконного решения и действия суда, но и внесения представления об освобождении судьи от занимаемой должности за систематическое нарушение элементарных требований принципа законности, которое должно стать непреложным правилом национального права.